

Вторая супруга уже заранее подготовила отговорку:

— Князь просто сказал это вскользь, это не в счет.

Лоу Синхуань усмехнулся:

— Если вам безразличен ваш сын, продолжайте буйствовать.

Услышав это, глаза второй супруги заострились, словно у змеи, схваченной за самое уязвимое место — настороженная и немного испуганная.

Она тайно ненавидела. В детстве этот мальчик был полностью в ее власти, а теперь стал таким трудным, и все из-за того человека.

Вторая супруга стиснула зубы:

— Не смей трогать его.

Лоу Синхуань медленно произнес:

— За эти годы в доме графа случилось немало махинаций со взяточничеством...

Вторая супруга незаметно сжала руку.

Сзади раздался легкий шум.

Лоу Синхуань обернулся. Лу Бинъюнь, похоже, собирался выйти из паланкина. Даже на расстоянии он мог представить его раздраженное выражение.

Он больше не стал ничего говорить и ушел.

Вторая супруга замерла, не зная как реагировать, едва не задохнувшись:

— Ты клеветешь на дом Линь...

Лоу Синчу прервал ее, оглянувшись вокруг, словно чувствуя неловкость:

— Мама, давайте сначала проводим отца в могилу, хорошо?

Паланкин снаружи выглядел скромно, соответствуя траурному настроению. Но внутри он был просторным и удобным.

Лоу Синхуань подошел ближе:

— Папочка, не выходите.

Похоронная процессия продолжала двигаться, разбрасывая белые цветы и другие жертвенные подношения. На дороге повсюду лежали предметы, приносящие несчастье.

Лу Бинъюнь, увидев, что он вернулся, снова сел, его красивые миндалевидные глаза слегка выражали нетерпение:

— Можно ехать?

— Можно, — кивнул Лоу Синхуань.

Он что-то тихо сказал охраннику рядом, тот поклонился и ушел. Вскоре процессия снова начала двигаться.

Лу Бинъюнь прислонился к стенке паланкина, собираясь снова закрыть глаза и отдохнуть, но стоящий перед ним юноша вдруг сделал шаг вперед, наклонился и протянул ему маленькую позолоченную железную шкатулку.

Погода сегодня не была мрачной, как того требовала обстановка, она оставалась ясной, как в конце лета. Занавеска паланкина была слегка приоткрыта, и солнечный свет, проникая внутрь, очерчивал мягкие черты Лоу Синхуаня.

Его глаза были кристально чистыми, излучая спокойствие, словно в руках он держал не холодную шкатулку, а красивый букет цветов.

Лу Бинъюнь посмотрел на него, с недоумением принял шкатулку.

Открыв ее, он увидел несколько круглых конфет, завернутых в простую белую бумагу, от которых исходил сладкий аромат молока.

Этот давно забытый запах заставил его замереть.

Лоу Синхуань сжал губы, словно немного нервничая и ожидая.

Затем Лу Бинъюнь закрыл шкатулку, его янтарные глаза засияли улыбкой, ярче солнечного света:

— Спасибо. Хорошенький мальчик.

Услышав его слова, юноша наконец слегка улыбнулся.

Похоронная церемония князя Цина прошла без проблем.

Гроб опустили, заколотили гвозди, закрыли и установили памятник, сопровождая его бесчисленными сокровищами. Так высокопоставленный князь навсегда упокоился под землей.

Императорская усыпальница была глубокой и огромной, торжественной и тихой, у входа и в туннелях стояла охрана.

Лу Бинъюнь посмотрел на каменные плиты подземного склепа, затем повернулся и взглянул на стелу перед собой.

Лоу Синхуань, который разговаривал с кем-то, увидел это и подошел, спросив:

— Духовую табличку хочешь взять?

Он имел в виду деревянную табличку с именем и титулом князя Цина.

Обычно табличку умершего держит главная жена, а после похорон она вместе с законнорожденным сыном вносит ее в храм предков для поклонения.

Лу Бинъюнь посмотрел в направлении, откуда пришел Лоу Синхуань, и увидел, что наложница Мэй держит табличку. Он уже собирался покачать головой, но Лоу Синхуань, слегка нахмурившись, тихо сказал:

— Ладно, забудь. К дурному глазу, папочке, лучше не прикасайся.

Юноша с красивыми чертами лица, не таким холодным, как раньше, когда он говорил с посторонними, выглядел мило и очаровательно, словно капризничал перед старшим.

Лу Бинъюнь смотрел на него, и пальцы у него зачесались, ему вдруг захотелось ущипнуть его за щеку.

Он поднял бровь:

— Суеверие.

Окружающие склонили головы в скорби.

Вторая супруга пыталась помешать закрыть гроб, крича и рыдая, словно готовая отправиться в могилу вместе с князем.

Наложница Мэй и другая жена смотрели в изумлении.

Они стояли впереди. Лоу Синхуань повернулся и встал рядом с Лу Бинъюнем перед стелой князя Цина, но его глаза не смотрели на нее, он тихо произнес:

— Конфеты невкусные?

Лу Бинъюнь чуть не рассмеялся:

— Сейчас не время для конфет.

Даже он, такой своенравный, не мог позволить себе такие мелочи перед могилой умершего, это было бы неуважительно.

Обычно серьезный Лоу Синхуань на этот раз проявил упрямство:

— Не нравится?

В усыпальнице, которая часто была закрыта, в воздухе, казалось, витали мелкие частицы пыли.

Лоу Синхуань почувствовал сладкий аромат, исходящий от Лу Бинъюня, похожий на молочные конфеты или солодку.

В огромной пустой императорской усыпальнице ночные жемчужины мягко светились.

Лу Бинъюнь, одетый в простую белую одежду, словно тоже светился, его тонкая талия и белая кожа напоминали тонкий фарфор.

Он опустил голову, еще тише сказав:

— Я думал, это поднимет тебе настроение.

Хотя бы немного, чтобы ты не так горевал из-за другого.

Он знал, что Лу Бинъюнь когда-то приказывал искать такие конфеты.

Его семья была знатной и влиятельной, и казалось, что он получил всю любовь мира, что только можно пожелать. Все, что он хотел, ему приносили: отец, Лоу Юэцяо, люди дома Лу.

С детства Лоу Синхуань никогда не видел его расстроенным.

Когда подчиненные доложили, что поиски не увенчались успехом, он как раз был рядом с Лу Бинъюнем. Тихо ответил, выглядел вялым, его веки опустились, словно увядший цветок персика.

Хотя вокруг было много других сладостей, он так упорно хотел именно эти.

Лоу Синхуань не понимал, что такого притягательного в конфетах, но если заменить их на Лу Бинъюня, он, кажется, начинал понимать.

Поэтому за эти семь дней, услышав о таких конфетах, он специально сделал крюк, чтобы их найти.

Думая, что если папочка улыбнется, хотя бы немного, он готов пойти хоть на край света.

Услышав это, Лу Бинъюнь повернулся к нему.

Лоу Синхуань все это время смотрел на него.

Их взгляды встретились так близко, что Лоу Синхуань мог видеть его острый подбородок, большие красивые глаза, полные печали.

Думая, что он так переживает из-за отца, Лоу Синхуань почувствовал, словно сотни муравьев грызут его сердце, больно и щекотно.

«Грохот» — тяжелая крышка гроба закрылась. Вместе с этим раздался плач людей, эхом разносившийся вокруг.

Люди сзади не видели их выражений лиц и не слышали, о чем они говорили.

Лу Бинъюнь произнес:

— Нет, они мне нравятся.

Наоборот, они ему очень понравились.

Изготовление таких конфет было сложным процессом. Во-первых, это был секретный рецепт, который он когда-то искал, но не смог найти. Во-вторых, даже если получить рецепт, процесс был очень трудоемким.

За несколько дней Лоу Синхуань успел отомстить за отца, и, несмотря на это, нашел время, чтобы найти эти молочные конфеты, что было проявлением его сыновней преданности.

Перед тем как покинуть дом князя Цина, найти конфеты, которые он любил в прошлой жизни, было своего рода прощальным подарком от приемного сына.

Возможно, из-за предчувствия разлуки Лу Бинъюнь смотрел на юношу с особой нежностью.

Юноша не знал, о чем он думал, но, увидев его серьезное выражение, на мгновение застыл, кончики ушей слегка покраснели, и он тихо сказал:

— Хм.

Лу Бинъюнь вдруг вспомнил:

— А твоя нога...

— Ничего серьезного, — твердо сказал Лоу Синхуань, затем немного замешкался. — Папочка на днях напоминал мне быть осторожным, это я проявил небрежность.

— В будущем тоже будь осторожен, — сказал Лу Бинъюнь.

В прошлой жизни в это время Лоу Синхуань угрожал ему, чтобы он женился в доме князя, но тот, конечно, отказался и с помощью друга сбежал, даже нагло сжег Двор Люйшуан, который Лоу Синхуань приготовил для него.

Потом Лоу Синхуань, пытаясь его догнать, повредил ногу — хотя теперь причина изменилась, результат был похожим.

Лоу Синхуань кивнул.

Неподалеку вторая супруга с красными глазами настороженно смотрела на них.

Она постоянно следила за их действиями, видя, что они не испытывают ни малейшей печали, а, наоборот, спокойны, и в ее сердце закралось подозрение:

Неужели эти двое обсуждают, как лишить Синчу титула?!

Вот оно что, она так и знала, что они давно объединились. А она еще надеялась, что Лу Бинъюнь, учитывая дружбу между домом маркиза Шуньнина и домом графа Линь, не станет помогать этому сыну наложницы.

Он ведь не глуп! Почему он просто так воспитывает чужого сына? И все ради борьбы за титул.

Лоу Синхуань не был простым человеком.

По статусу и будущей пользе любой бы выбрал помочь Лоу Синчу, а не бедному и бесправному сыну наложницы.

Однако с тех пор как Лу Бинъюнь вошел в дом князя, он никогда не поступал так, как ожидали другие.

Вторая супруга стиснула зубы.

...

Когда они отправились в императорский храм предков, Лу Бинъюнь взял три зажженные благовонные палочки и искренне поклонился.

<http://bllate.org/book/16424/1488559>